

УДК 159.9

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВОСПРИЯТИЯ

Р.М. НАГДЯН*

*Международный научно-образовательный центр Национальной Академии наук Армении,
Ереван, Армения*

В обзорной работе проведен сравнительный методологический анализ онтологического подхода в исследовании восприятия (В.А. Барабанщиков) и трансцендентальной психологии восприятия (А.И. Миракян). Раскрываются положительные стороны онтологической концепции восприятия, преодолевающей ограничения гносеологического подхода, но вместе с тем показываются те сложности, с которыми сталкивается онтологическая концепция восприятия при решении проблемы порождения перцептивного образа. Анализ, проведенный в контексте философско-психологических воззрений С.Л. Рубинштейна, позволил прийти к выводу, что одним из возможных методов исследования проблемы порождения психического образа может быть метод метафизических рассуждений. Доказательством этого положения может служить афизикальный подход А.И. Миракяна, используемый при исследовании принципов и закономерностей порождающего процесса восприятия.

Ключевые слова: онтологический подход, объект, субъект, образ, бытие, трансцендентное, имплицитное, эксплицитное, афизикальный подход.

В последние десятилетия в методологии психологии восприятия возникло новое направление, названное онтологическим, претендующее на замену существующего гносеологического подхода [16]. Как известно, гносеологический подход осуществлялся в рамках соотношения «объект-субъект», где в конкретно-психологических исследованиях изучался не сам объект, а одно из его свойств (величина, форма, цвет, объем, удаленность, движение и т.д.), а место субъекта, отражающего это свойство, занимал образ. То есть, с одной стороны, брался «одномерный» объект, «за скобки» выводились его целостность и взаимосвязи с другими объектами, а, с другой стороны, не учитывались личностные качества субъекта восприятия как носите-

ля многообразия психических состояний, эмоциональных переживаний, ценностных ориентаций, стереотипов мышления и т.д.

Другой аспект ограниченности гносеологического подхода состоит в том, что вне внимания исследователей оставался процесс порождения, трансформирующий объект в образ, а вместо этого исследовались соотношения между изменениями количественных характеристик исследуемого свойства объекта или условий восприятия и изменениями его образа. Соответственно этой методологии и выбирались методы экспериментального исследования и анализа полученных результатов. Таким образом, ограничения гносеологического подхода проявлялись: в выборе «одномерного» объекта исследования, в отрыве от многообразия внешних условий, в пассивности («зеркальности») субъекта отражения без учета многообразия его внутреннего мира и, наконец, в том, что не ставился вопрос о процессе порождения образа.

На эти ограничения и обратили внимание сторонники онтологического подхода, лидером которого является В.А. Барабан-

© Нагдян Р.М., 2015

* Для корреспонденции:

Нагдян Рубен Михайлович

кандидат психологических наук, доцент,

заведующий кафедрой психологии магистратуры

Международного научно-образовательного центра
Национальной Академии наук РА

E-mail: r.nagdyan@mail.ru

щиков. Так как методологической основой становления и развития онтологического подхода являются философско-психологические воззрения С.Л. Рубинштейна, то анализ онтологической концепции восприятия будет проведен в контексте двух его работ – «Бытие и сознание» и «Человек и мир».

В онтологическом подходе, согласно В.А. Барабанщикову, «восприятие рассматривается не просто как образ действительности в его отношении к самой действительности (гносеологический подход), а как порождение образа, протекающее в единстве внешних и внутренних условий его существования» [1, с. 81]. Соответственно этой методологической установке исходным пунктом анализа восприятия оказывается не отображение объекта, то есть образ, «а взаимоотношение человека, с миром, субъекта с объектом» [там же, с. 88]. Причем, в этом новом понимании соотношения «субъект-объект» происходит смещение феномена восприятия на его субъекта, который выступает как многомерное целое со своими задатками, способностями восприятия, направленностью личности и черт характера и т.д. (там же, с. 89). Все это обуславливает потенциальный план восприятия и определяет онтологическое содержание и понятие субъекта. Такое понимание субъекта приводит соответственно к новому пониманию объекта. Традиционное понятие объекта-вещи (или элемента среды) сменяется понятием объекта-ситуации, в котором «ситуация характеризует способ объединения разнонаправленных «сил» и потенциалов в некоторое целое, в котором цементирующая роль и инициатива принадлежит человеку» (там же, с. 91). Здесь же автор делает дополнение, которое эксплицирует сущность его теоретической позиции: «Это – его ситуация (мир), а не ситуация (мир) вообще» (там же). «Его ситуация» – то есть уже воспринятая ситуация (которую еще предстоит воспринять? Этот парадокс характерен и для гносеологического подхода, где исследуются закономерности «отражения»

уже отраженного объекта; в обоих случаях исследуется не порождение перцептивного образа, а рефлексия уже отраженного объекта или ситуации, для чего, однако, необходимо ввести еще и понятие сознания).

Для уточнения смысла нововведения В.А. Барабанщикова обратимся к философскому определению ситуации, данному С.Л. Рубинштейном: «Всякая ситуация по самому существу своему проблема. Отсюда – постоянный выход человека за пределы ситуации, и сама ситуация есть становление. Становление или становящееся соотносено с тем внутренним в человеке, что, в свою очередь, соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации, выходящим и выводящим за ее пределы; это внешнее по отношению к ситуации связано с внутренним по отношению к человеку» [13, с. 338]. Кроме того, «онтологичность» объекта-ситуации определяется тем, что в лабораторных исследованиях должны быть учтены не только физические и экологические, но и социальные, и культурные условия, обуславливающие реальные способы жизни и деятельности человека [1, с. 92]. В отличие от объекта-вещи, объект-ситуация, выступающий в виде констелляций разнородных событий как система детерминант, – динамичен и продолжает разворачиваться и формироваться перед воспринимающим в ходе восприятия, «поэтому до завершения перцептивного процесса определить объект-ситуацию в полном объеме невозможно» [там же, с. 91]. С другой стороны, так как разворачивание и формирование объекта-ситуации происходят не само по себе, а под влиянием и соответственно внутренним условиям субъекта, то получается, что «субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему» (там же). При таком подходе объект и субъект не разобщены, не противопоставлены – такое противопоставление характерно для классических теорий восприятия, – а представляют собой противоположные полюса одного целого. Возможно, именно это имеет в виду В.А. Барабанщиков, когда пишет: «Объект и

его образ оказываются полярностями одного и того же целого, а процесс восприятия открывается не только как отражение бытия, но и как его порождение» [1, с. 97]. Таким образом, все составляющие перцептивного явления объединяются в одно системное целое. Это позволило ему всю совокупность предпосылок и детерминант, причин и следствий, взаимовлияний и воздействий, относящихся и определяющих процесс восприятия в акте бытия, сконцентрировать в центральном понятии онтологической концепции – перцептивном событии.

Однако, несмотря на тщательную теоретическую проработку понятий онтологической концепции восприятия и большой массив экспериментальных данных, полученных в русле этого подхода, он сам указывает на слабые стороны онтологической концепции. «Онтологический аспект перцептивного образа, – пишет автор, – наименее изучен и нуждается в глубокой проработке, но именно он представляет наибольший интерес, как с теоретической, так и с практической точки зрения» [1, с. 98]. Откуда возникает эта проблема? Какие особенности теоретического анализа приводят к ее появлению? Раскрывая содержание предмета онтологического подхода, он указывает на «взаимопроникновение субъекта и объекта восприятия, способы порождения и существования чувственного образа и его обусловленность системой внешних и внутренних детерминант» (там же, с. 87). Особенность приведенного ряда компонент и детерминант процесса восприятия заключается в том, что их некорректно рассматривать в одной теоретической плоскости, так как порождение образа принадлежит неосознаваемой и непосредственно не наблюдаемой области бытия, а все остальные – области наличного бытия, доступные для непосредственных эмпирических исследований. И действительно, порождение образа им понимается как переход вещей и событий от бытия «в себе» к бытию для субъекта (там же, с. 98). Таким образом, В.А. Барабанщиков гово-

рит о двух видах бытия, которым должны соответствовать разные онтологии. Однако специального анализа способов (или принципов) порождения перцептивного образа в цитируемой статье не проводится. Вместо этого автор большое внимание уделяет анализу перцептивного образа, его зависимости от перцептивных потребностей, внешних и внутренних условий и т.д. Однако отметим, что сам перцептивный образ, потребности и разного рода детерминанты, определяющие и обуславливающие характер чувственного образа, относятся к наличному бытию и составляют содержание сознания человека, являясь продуктами процесса отражения. С одной стороны, это дает возможность эмпирической проверки теоретических положений онтологической концепции восприятия и ее эффективного практического применения. Но, с другой стороны, остается нерешенным вопрос о порождении образа, сложность изучения которого в том, что оно непосредственно не дано никому – ни исследователю, ни исследуемому. То есть порождение происходит таким образом, что остается за пределами нашего чувственного опыта. Именно поэтому определение содержания перцептивного события останется неполным до тех пор, пока не будет заполнен этот пробел. Кроме того, так как, по словам С.Л. Рубинштейна, «на чувственной поверхности явлений представлен итоговый, суммарный результат глубинных процессов, взаимодействий и определений как процессов в сущем» [13, с. 305], то становится понятным, что «глубинные процессы в сущем», ответственные за порождение перцептивного образа, предполагают другой способ существования, определяющий (по С.Л. Рубинштейну) другой уровень бытия и, следовательно, другую онтологию. А это приводит к тому, что процессы порождения не могут быть описаны в системе понятий результатов порождения – всего того, что относится к остальным компонентам перцептивного события, существующих в наличном бытии. Поэтому «язык» описания перцептивного события в

своей целостности становится неоднородным, появляется необходимость создания и применения разных онтологических подходов для описания разных составляющих перцептивного события, существующих на разных уровнях бытия.

Выявленная выше познавательная неоднородность не нова и уже встречалась в истории науки. В физике она выступала как противоречие, возникающее при переходе к изучению явлений более глубокой, непосредственно не наблюдаемой, реальности явлений микромира. В. Гейзенберг писал: «Копенгагенская интерпретация квантовой теории начинается с парадокса. Она исходит, с одной стороны, из положения, что мы должны описывать эксперимент в понятиях классической физики, а с другой – из признания, что эти понятия не точно соответствуют природе [свойствам элементарных частиц – Р.Н.]. Противоречивость этих исходных положений обуславливает статистический характер квантовой теории» [3, с. 35]. Как видим, «физическое событие», в ситуации экспериментального исследования квантов, элементарных частиц и их свойств, точно так же неоднородно в языковом аспекте, как и перцептивное событие в ситуации исследования процесса порождения перцептивного образа. Однако необходимо отметить, что сравниваемые события в физике и в психологии принципиально отличаются друг от друга тем, что квантовое явление находится вне наблюдателя и может быть изучено им, как и остальные явления природы (однако и здесь есть свои специфические особенности), а психический процесс порождения имплицитно протекает внутри исследователя, за пределами осознания, не попадая тем самым в сферу эмпирических исследований как центральная и главная часть перцептивного события, и изучается большинством психологов через его же продукты, составляющие эксплицитно данные компоненты перцептивного события. А это уже другой парадокс, характерный для продуктного подхода, потому

что редукция или объяснение процесса порождения через его же продукт невозможно. И это, несмотря на то, что психический процесс и его продукт, являющиеся противоположностями и находящиеся в отношении отрицания друг друга (в процессе еще нет продукта, а в продукте процесс уже завершен), составляют части единого целого.

Вышесказанное порождает необходимость внесения дополнительных, в том числе и методологических, уточнений в теоретическую конструкцию онтологической концепции восприятия.

Что же ограничивает возможности психологов в изучении процесса порождения перцептивного образа? Каким же образом исследовать особенности (принципы, закономерности) порождения? Как описать то, что приводит к порождению, – порождающее? Так как порождение происходит в «глубинных процессах в сущем» (по С.Л. Рубинштейну), то для ответа на эти вопросы, очевидно, необходимо составить представление об этом сущем, о бытии, точнее о бытии как вещи для себя.

Согласно философским воззрениям С.Л. Рубинштейна, «бытие» как термин «пытается определить нечто по тому, что оно есть [выделено нами – Р.Н.], но при этом неизвестным остается, что оно есть (выделено нами – Р.Н.)» [12, с. 84]. Если продолжить эту мысль, то можно сказать, что нечто в бытии наполняется содержанием лишь после появления субъекта, и тогда вещь для себя становится вещью для нас как объект познания (в частном случае – как объект восприятия): «Для сознания субъекта бытие всегда выступает как противостоящая ему объективная реальность» (там же). Таким образом, С.Л. Рубинштейн различает понятия объекта и бытия, объективной реальности и бытия и выступает против их отождествления, потому что такое отождествление приводит к субъективному идеализму, отрицающему существование независимого от человека бытия. «Сознание, – пишет С.Л. Рубинштейн, – невозможно без отношения к бытию как объ-

ективной реальности, однако бытие, мир может существовать и, не становясь объектом для субъекта, для его сознания, может существовать и не выступая в этом качестве» (там же). Итак, в бытии нет объектов, пока нет субъекта, но в нем есть независимое от субъекта нечто, которое неизвестно, что оно есть. Объективную реальность С.Л. Рубинштейн характеризует как ставшую из независимо существующего от субъекта бытия, вещи в себе, вещью для нас (там же, с. 85). То есть под объектом или объективной реальностью подразумевается уже отраженная, воспринятая реальность, находящаяся в процессе познания: «Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектами по мере того, как субъект вступает в связь с вещью и она выступает в процессе познания и действия как вещь для нас» (там же, с. 85). Следовательно, подчеркнем еще раз, С.Л. Рубинштейн различает независимо от субъекта существующее бытие, вещь, нечто, существование которого не в состоянии определить его сущности, – с одной стороны, и переход этого нечто через субъекта в объект, в объективную реальность – с другой.

Такое определение объективной реальности, включающее в себя переход от бытия как вещи в себе к бытию как вещи для нас, по мнению Рубинштейна, с необходимостью поднимает вопросы о соотношении трансцендентного и имманентного, имплицитного и эксплицитного.

При рассмотрении соотношения имплицитного и эксплицитного С.Л. Рубинштейн основывается на том, что исходной предпосылкой марксистской философии является независимое от познания существование познаваемого бытия. Причем, основным инструментом, посредством которого она, эта предпосылка, реализуется, – это понятие трансцендентного как имплицитно данного [13, с. 320–321]. С.Л. Рубинштейн рассматривает два понятия трансцендентного: «1) трансцендентное как обособленное сущее, отделенное *hiatusom* (зиянием), такое, к которому нет путей

от имманентного, 2) трансцендентное как выходящее за пределы того, чем оно задается, – выход объекта мысли за пределы мысли об объекте» (там же, с. 321). В процессе познания имманентное и трансцендентное неразрывно связаны между собой, и в то же время при решении проблемы соотношения явления и сущности, они выступают в виде соотношения непосредственно познаваемого (данного) и познаваемого опосредствованно, через непосредственно данное выявляемого (там же, с. 322). Процесс познания, согласно Рубинштейну, начинается с эксплицитно данных познания, которые влекут за собой «как имплицитное, содержание объекта (сущего)» (там же).

Могут ли приведенные выше особенности познания помочь нам в понимании психического процесса порождения, который также относится к области трансцендентного?

Следует отметить, что при переходе от философских рассуждений С.Л. Рубинштейна о взаимоотношениях бытия и сознания, человека и мира к решению конкретно психологических проблем необходимо проявить определенную осторожность. Она обусловлена тем, что при разработке вопросов решения человеком онтологических и гносеологических проблем Рубинштейн рассуждает о познании в целом, без особого выделения особенностей познания психического как порождающего процесса, превращающего «нечто» в бытии в объективную реальность для субъекта, а большей частью рассматривает психическое как способ отражения, действительности и ее познания через продукты процессов непосредственного чувственного отражения, восприятия, мышления и т.д. Методологической основой для привнесения продуктного образа мышления в психологию является продуктивный подход, характерный для гносеологии марксистской философии, рассматривающей познание как отношение между субъектом (с уже принадлежащей ему психикой) и существующим независимо от него бытием. Однако продуктивный подход, возможно,

адекватный для решения задач материалистической философии, оказался ограничивающим фактором при решении фундаментальных проблем психологии, касающихся вопросов порождения психических явлений, например, перцептивного образа.

Ограниченность продуктного подхода в психологии впервые с разных сторон была исследована в докторской диссертации А.И. Миракяна [7]. В этой работе было показано, что независимо от наук, изучающих закономерности психического отражения, – философии, психологии, психофизиологии, кибернетики, – эти закономерности изучались через продукты завершённого процесса отражения и выражались через логические отношения между ними, характерные для данных наук и эмпирического образа мышления исследователя, но не самого процесса порождения. Но самое главное, что характеризует продуктный подход, это то, что исследователи не замечали, что при исследовании процесса отражения какого-либо свойства объекта (величина, форма, скорость и т.д., а в общем случае, если сюда же включить внешние и внутренние условия – объект-ситуация онтологической концепции восприятия) в качестве исходных данных брались эти же, уже отраженные, свойства объекта, что не позволяло затем проникнуть в процесс их порождения.

Трансцендентность порождающего процесса восприятия не вызывает сомнений – он непосредственно не представлен в нашем чувственном опыте, но как представить эту трансцендентность и что из этого следует? Вновь обращаясь к философской концепции С.Л. Рубинштейна, отметим, что трансцендентность порождающего процесса может быть понята в двух вышеприведенных смыслах одновременно. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, процесс порождения, оставаясь трансцендентным, задается перцептивным образом (если есть образ, то должен быть и процесс, к нему приводящий), с другой стороны, процесс порождения, являясь трансцендентным

по отношению к действительности эксплицитно данных – перцептивного образа, предпосылок и детерминант процесса, – не может быть изучен посредством этих же продуктов восприятия и таким образом остается непознаваемым. То есть, то, чем задается трансцендентное, оно же, как уже воспринятое чувственно данное, ограничивает возможности его познания. Поэтому необходимо признать уникальность психического процесса порождения как объекта познания среди прочих объектов познания, особенно тех, которые материальны. Об этой уникальности Г.В. Шукова пишет как об «абсолютной особости экспликации психики в качестве объекта исследования». И далее уточняет: «Если психика есть форма материальности, потенциально существующая вне ее опредмеченности, то она никак не может исследоваться только на уровне своей атрибутивности – как свойство человека, как непосредственно данная в виде образа, процесса, явления и т.п. психическая реальность» [16, с. 111]. Эволюция подготавливала человека для функционирования в материальной среде. Поэтому все познавательные способности человека приспособлены для отражения материальных вещей и отношений между ними, по причине чего у человека формируется эмпирический образ мышления, предназначенный для «работы», в первую очередь, с перцептивными образами этих вещей или с понятиями, им соответствующими, то есть с продуктами психического отражения, но не с процессом, их порождающим.

Выбирая в качестве предмета познания или исследования психический процесс отражения, а точнее – психический процесс порождения, тем самым мы создаем парадокс. Парадокс состоит в том, что для исследования порождающего процесса исследователь должен «иметь» как эксплицитно данное перцептивный образ порождающего процесса. И тут мы приходим к противоречию, потому что процесс не может воссоздать себя в форме перцептивного образа, поскольку изначально

он предназначен для преобразования другого, внешнего, находящегося за его пределами, взаимодействующего с ним. Порождающий процесс не может воздействовать сам на себя, а потому воспроизвести, выявить и познать самого себя; он предназначен для выявления и познания «другого». Поэтому порождающий процесс не может быть вновь порожденным в качестве перцептивного образа самого себя, не может быть явлением, феноменом восприятия, предметом эмпирического (непосредственного) исследования, потому что научный путь исследования от явления к сущности в этом случае прерывается. Мы не можем говорить ни о явлении, ни о сущности порождающего процесса, а можем говорить лишь о его существовании. Поэтому полиредукционистский подход к изучению психического, также основанный на продуктном подходе, будет эффективен лишь в практике, потому что этот подход выявляет и учитывает многообразие всевозможных условий существования того, данного лишь имплицитно, что обозначено как «психическое», но не в состоянии определить концепт и исследовать само психическое как нечто, имплицитно существующее в бытии, независимо от эксплицитно данных условий существования.

Таким образом, перцептивный образ – это не явление порождающего процесса, а это явление того трансцендентного и имплицитного нечего, которое существует в независимом от человека бытии, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта. Перцептивный образ – это свидетельство существования порождающего процесса: «Существование, бытие сущего, – пишет Рубинштейн, – заключается в том, чтобы обнаруживаться (являться) и ... скрываться» [13, с. 305].

Исследование процесса порождения через психическое, через рефлексированные продукты психической деятельности не может привести к его пониманию. И, оказывается, что никакой редукцией к какой-либо научной области знания невозможно объ-

яснить процесс порождения психического. Остается сделать вывод, что о порождении мы не можем говорить как о явлении, что «процесс порождения психического» или в частном случае «процесс порождения перцептивного образа» это – априорное понятие, стереотип нашего мышления. Ведь из опыта нам известно: то, что непосредственно дано – рождается, развивается и умирает, переходя в новое качество. А в случае перцептивного образа, если полагать, что он каким-то образом «получается», то это рождение с научной точки зрения представляется как процесс, а не как внезапное появление образа (но, может быть, и этот вариант достоин внимания ученого?). Поэтому понятие «психический процесс», рассмотренное не как последовательность или череда отдельно зафиксированных психических актов, а как непрерывно протекающее внутри этих актов и в промежутках между ними, – это понятие, обозначающее сверхчувственное, сверхопытное, исследование которого требует применения априорных понятий. А вся совокупность этих особенностей порождающего процесса восприятия – трансцендентность, сверхчувственность, невозможность непосредственного эмпирического исследования, необходимость применения априорных понятий – указывает на необходимость обращения к новому для современной психологии («хорошо» забытому старому) метафизическому методу как возможному способу исследования закономерностей именно такой, «запредельной», реальности, такого уровня имплицитного бытия, который содержит в себе возможности порождения всего сущего и психического отражения, в том числе, осуществляющегося (тоже) как порождающий процесс.

Ввиду многозначности смысла понятия «метафизика» уточним, что мы понимаем ее не в новом смысле, распространенном в современной психологии, как состоящую в противопоставлении диалектическому методу, а в старом смысле – «... как совокупность утверждений (или теорию), учение

обо всем, что носит сверхопытный, сверхфизический характер» [6, с. 117].

С.Л. Рубинштейн отрицательно относился к метафизике, что было обусловлено отнесением метафизики к идеализму. Ход рассуждений Рубинштейна такой: понятие, которое раньше обозначало некоторую определенность, вещь, имело двойное значение – как существование, в качестве субъекта, и сущность, в качестве предиката, но с осознанием понятия как идеи (Сократ), и с «отрывом» понятия от вещи, как самостоятельно существующей идеи, понятие превратилось в субъект, а обозначенное им существование вещи, в предикат. «С этого ведет свое начало идеализм, – пишет Рубинштейн, – и вместе с тем эволюция онтологических понятий, приводящая в тупик, в который уперлась затем метафизика. С этого начинается и оформляется противоположность материализма и идеализма» (13, с. 294). Но так ли это?

Сомнения по этому поводу возникают уже потому, что, анализируя философию наивного материализма древнегреческих атомистов (Левкипп, Демокрит), С.Н. Трубецкой убедительно показывает, что она целиком построена на метафизических предпосылках [14, с. 322–328]. И отсюда можно сделать вывод, что метафизика имеет отношение не только к идеализму, но и к материализму, к тем предполагаемым первоосновам бытия (атомы и их свойства), из которых затем строится материалистическая и, в частности, научная картина мира. То есть метафизика характеризует не направление в философии, а образ мышления о бытии в целом, предмет которого может относиться как к материализму, так и к идеализму (бытие, материя, атомы, Бог, понятие, душа и т.д.). В подтверждение того, что метафизика относится и к материализму, можно сослаться на физику Ньютона, которая признана как олицетворение научно-материалистического подхода к изучению природы. И, действительно, оказывается, что многие ее основополагающие, фундаментальные понятия – абсолютное пространство, абсо-

лютное время, инерция, сила, энергия, электричество – являются метафизическими сущностями, непосредственное изучение которых не представляется возможным, хотя и предполагается их имплицитное существование как особенностей реальности или событий, существующих в ней [4].

Важный вклад в понимание сущности познавательных возможностей метафизики, как это ни удивительно, делает основатель научной (экспериментальной) психологии В. Вундт. В своей философской работе «Метафизика» В. Вундт в истории философии выделяет три стадии развития метафизики, характеризующие разные формы метафизического мышления, – поэтико-мифологическую, диалектическую и критическую. Но, кроме этого, Вундт показывает метафизику с неожиданной для философов стороны, определив ее психологически как «неискоренимый умозрительный инстинкт человеческого духа» [2]. Для доказательства этого положения Вундт применяет оригинальный метод анализа мировоззренческих концепций трех естествоиспытателей – Э. Геккеля, В. Оствальда и Э. Маха, которые, несмотря на то, что относили себя к убежденным антиметафизикам, но все равно не смогли избежать применения метафизических предпосылок, положенных в основание их представлений о мире и его познании. Это положение В. Вундта свидетельствует о том, что в каждом человеке, независимо от его мировоззрения, живет метафизик, который особенно часто пробуждается в те моменты, когда человеку приходится сталкиваться с желанием или необходимостью выхода в непроявленный мир первопричин сущности явлений; но каждый делает это по-своему, по своему разумению, в контексте своей методологии познания и исследования мира, предстоящего сделать «своим».

В предыдущей нашей статье [10] мы подробно обсудили отношение психологии к метафизике и показали истоки возникновения отрицательного отношения к метафизике, которое было связано с изменением (20-е годы прошлого столетия)

философско-методологического базиса психологии с антипозитивистски метафизического (не отрицающего, однако, эмпирию), развиваемого русскими философами и психологами, на марксистский исторический материализм. Как следствие этого, постепенно были утрачены традиция и культура метафизического образа мышления – слово «метафизика» стало запретным, а потом и ненужным словом в советской и постсоветской психологии.

Однако онтология – учение о бытии – не была запретным словом, так как вместе с гносеологией составляла часть марксистской философии. А так как метафизика и онтология – близкие по смыслу понятия, то метафизика была полностью заменена онтологией, но такой онтологией, в которой не использовались эмпирически недоказуемые предположения и гипотезы о трансцендентных первопричинах порождения явлений и о соответствующем устройстве мира, скрытого за этими явлениями. Очевидно, это была другая, не метафизическая, онтология.

Учение о бытии (в современном понимании – онтология) в явной своей форме было представлено в «первой философии» Аристотеля, то есть было частью метафизики. Другими словами, по Аристотелю, метафизика («первая философия») была способом рассуждения о «бытии в возможности» и не была предназначена для познания «бытия в действительности», которая изучалась физикой и другими науками. То есть областью познания метафизики было умозрительное постижение первопричин и начал всего (бытия, Бога, души, движения и т.д.), которые были сверхчувственны и находились «по ту сторону физики». Поэтому онтологию называли еще и метафизикой бытия, но под бытием подразумевалось не наличное бытие, а «бытие в возможности» или, используя терминологию С.Л. Рубинштейна, бытие, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта.

Исчезновение метафизики с горизонта психологической науки было следствием

принятия понимания и определения бытия как существующей независимо от субъекта познаваемой реальности, познание которой направлено от эксплицитно данного имманентного к трансцендентному. При таком определении бытия и его познания метафизика теряет свое значение, потому что она предназначена для познания того трансцендентного, которое задается имманентным, но не определяется им. А онтология в этом случае меняет свой смысл, превращаясь в учение об универсальных закономерностях всей той действительности, которая окружает человека, которую можно наблюдать и подвергнуть количественному и качественному анализу. Именно такое понимание онтологии и онтологического подхода используется в современной психологии. Но в таком понимании нет ничего метафизического, и поэтому такая постановка способа познания входит в противоречие с возможностями исследования предмета нашего анализа – порождающего процесса восприятия, потому что, как было показано выше, психический порождающий процесс не может быть исследован (в настоящее время) научными методами, то есть от эксплицитно данных в восприятии к имплицитным и трансцендентным возможностям их порождения.

Отчуждение от метафизики в современной психологии настолько сильно, что от нее отказываются, заменяя ее онтологией даже тогда, когда в ее применении есть прямая необходимость. Так, например, Ш.Р. Хисамбеев, проводя историко-психологический анализ «Монадологии» Лейбница, называет ее «онтологической концепцией» [15]. Это ужестораживает, потому что Лейбниц о своей «Монадологии» нигде не говорил как об онтологической концепции. Вместо этого Лейбниц много писал о метафизике и принимал ее как особый метод познания, и его «Монадология» была ярким примером применения метафизического подхода к пониманию устройства и организации бытия. Авторы одного из учебников философии пишут: «Г.В. Лейбниц развивает

плюралистическое учение о множественности субстанций, лежащих в основе мира. Это особые духовные единицы, или точки, они просты, лишены частей, непространственны. Лейбниц называет их «монады», а свою метафизику – монадологией» [5, с. 154]. Метафизика включает в себя онтологию (Лейбниц), но не всякая онтология (Барабанщиков) возникает из метафизики. Поэтому формальное совпадение двух названий – «онтологическая концепция Лейбница» и «онтологическая концепция восприятия» – может вызвать ошибочное представление о тождественности философско-методологических оснований этих двух онтологических концепций. Однако это совершенно разные онтологические концепции, относящиеся к разным уровням бытия: к «бытию в возможности» (Лейбниц) и к «бытию в действительности» (Барабанщиков).

В данном случае (статья Ш.Р. Хисамбева [15]), как видно, метафизика замещается онтологией и опять выпадает из пространства методологических понятий современной психологии. Но это приводит к тому, что мышление исследователей, осознанно или неосознанно, остается ориентированным лишь на «бытие в действительности», и они продолжают свои поиски решения проблем порождающего процесса восприятия не там, где было «потеряно», – имплицитная область трансцендентного «бытия в возможности», а там, где светло и знакомо.

Таким образом, есть основания полагать, что метафизический подход на сегодняшний день является одним из возможных подходов к изучению порождающего процесса восприятия, который может быть совмещен с научным методом (подобно тому, как это произошло и продолжает происходить с физикой).

Доказательство выдвинутого нами предположения было представлено намного раньше в трансцендентальной психологии восприятия [7, 8]. В статье [9] нами было показано, что автором этой концепции восприятия, московским психологом А.И. Миракяном был использован именно мета-

физический (по определению Миракяна – афизикальный) подход к изучению порождающего процесса восприятия. Однако дело в том, что сам А.И. Миракян не использовал термина «метафизика», потому что в сообществе психологов и философов того времени было принято мнение, что метафизика и материализм – это противоположные по смыслу понятия (поэтому Демокрита мало кто воспринимает как метафизика, хотя на самом деле он – метафизик-материалист, а Лейбниц – метафизик-идеалист, потому что его монады к тому же наделены душой. Оба философа были метафизиками, потому что давали картину бытия – онтологию – как «бытия в возможности»). Поэтому наиболее приемлемым для А.И. Миракяна термином, обозначающим принципиально новую концепцию восприятия, претендующую на статус новой парадигмы в психологии (сравнительный анализ современных парадигм восприятия проведен в работе Г.В. Шуковой [16]), оказалось понятие «трансцендентальное», которым указывается область существования объекта познания, но не точно определяется метод его исследования, так как трансцендентное можно исследовать как метафизическими, так и научными методами.

Первый путь познания – это путь от глубин мироздания, с заложенными в них возможностями порождения, от картины мира, какой он есть до человека, до его восприятия, от общего и целостного к порождению явления, единичному и конкретному, данному в восприятии человека; в этом случае направление движения мысли исследователя совпадает с направлением развития эволюции и генеа процесса восприятия.

Второй, научный, путь познания неизвестного и трансцендентного начинается с конкретного объекта познания и условий его существования, данных сознанию как продукты восприятия, и направлен в сторону более глубоких уровней бытия. Однако этот путь предназначен для исследования всех тех событий, которые существуют в мире и могут быть отражены в виде

перцептивных образов, кроме психического порождающего процесса, который сам по себе, непосредственно не может быть представлен нашему сознанию в виде эксплицитно данного перцептивного образа. Научными методами можно исследовать только осознаваемые продукты психической деятельности и все многообразие взаимоотношений между ними.

Осознание всего вышесказанного и побудило А.И. Миракяна к решению метафизической задачи, а именно: к описанию такого устройства бытия, которое заключало бы в себе возможности порождения нового. Интересно отметить, что при решении этой задачи А.И. Миракян не идет по пути субстанционального способа описания бытия по образцу Демокрита или Лейбница и в качестве фундаментальной особенности реальности принимает не существование в ней материальных форм, а спонтанную возможность образования отношений между ними. Материальные формы бытия в концепции Миракяна совершенно безликие, и эта характеристика сущего употребляется им вполне осознанно, потому что придание материальным формам каких-либо свойств, как это мы видим в случае атомов Демокрита и монад Лейбница, означало бы привнесение продуктного подхода в метафизическую конструкцию онтологической концепции. Чтобы избежать кажущейся игры слов, поясним это соотношение между метафизикой и онтологией на примере соотношения формы и содержания: в онтологических концепциях, относящихся к «бытию в возможности», метафизика – это форма, а онтология – содержание. Таким образом, мы хотим еще раз подчеркнуть, что трансцендентальная психология А.И. Миракяна – это метафизическая по форме и онтологическая по содержанию концепция восприятия. Поэтому мы солидарны с предложением В.И. Панова обозначить онтологии, относящиеся к «бытию в действительности», развиваемые, как указывает В.И. Панов, например, в концепциях В.А. Барабанщикова и Ж. Пиаже, как «эпистемологическая онтология»

[11]. Поэтому можно различать метафизическую онтологию Миракяна и эпистемологическую онтологию Барабанщикова.

Поскольку категория отношения становится центральной в образе мышления А.И. Миракяна, то его концепция порождающей реальности оказывается построенной в основном на «процессуальных» понятиях, характеризующих возможность или невозможность образования отношений. Это позволило Миракяну освободиться от продуктных оснований анализа, приводящих в тупик при поиске принципов порождающего процесса восприятия в гносеологической парадигме. Такими основополагающими априорными понятиями в трансцендентальной психологии восприятия являются понятия самодвижения, самосохранения, саморазрушения, отношения единости и различия, гомогенности, анизотропности, дискретизации, фиксации и т.д. Используя эти понятия, А.И. Миракян формулирует принципы гипотетического порождающего процесса как существующие в бытии саморазвивающиеся тенденции. Следы этих тенденций должны проявляться и проявляются в «бытии в действительности», например, в структурно-процессуальной анизотропности органов восприятия живых существ и парно-симметричной организации их тел. А это уже дает возможность экспериментальной проверки изначально принятых метафизических предположений, чем и обеспечивается переход от метафизических рассуждений к научным исследованиям.

Таким образом, за пределами наличного бытия существует другое, более глубокое, бытие, обозначенное как «бытие в возможности» (Аристотель), бытие, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта (Рубинштейн), бытие «в себе» (Барабанщиков), ничто или реальность отсутствующего (Миракян): этот тезис принимается многими психологами. Далее из этого следует, что существуют разные уровни бытия, которым соответствуют разные онтологии. Это важный момент в исследовании порождающего процесса восприятия, так

как возникают вопросы: на каком уровне бытия следует искать принципы порождающего процесса восприятия, на какую онтологию опираться и, если это окажется более глубокий уровень бытия (Рубинштейн, Миракян), то какой метод окажется возможным и адекватным для создания онтологии этого уровня бытия? Для Барабанщикова, насколько нам известно, такой дилеммы не существовало. Хотя он и критиковал продуктивный подход и отмечал ограниченность его возможностей, но тем не менее в своих теоретических рассуждениях опирается на онтологию наличного бытия, то есть, как показал анализ В.И. Панова, на совокупность уже отраженных внешних и внутренних условий восприятия [11].

Трансцендентальная психология восприятия, предложенная А.И. Миракяном, раскрывающая возможности порождения психического на более глубоком уровне бытия, является прелюдией к новой философии и методологии психологии, построенной не на фундаменте психических феноменов и психологических метафор, а на онтологии глубинных уровней природы. А, как видно из данных современной философии науки, именно это и характерно для становления и развития естественной науки.

Литература

1. Барабанщиков В.А. Онтологический подход в исследовании восприятия // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К.А. Абульхановой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – Т. 2. – С. 81–101.
2. Вундт В. Метафизика / Философия в системном изложении. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 117–150.
3. Гейзенберг В. Физика и философия. – М.: Наука, 1963. – 286 с.
4. Захаров В.Д. Метафизика в науках о природе // Вопросы философии. – 1999. – № 3. – С. 97–111.
5. Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., Миронов В.В., Момджян К.Х. Философия: учебник. – М.: ИНФРА, 2004. – 519 с.
6. Мамардашвили М.К. Введение в философию / Необходимость себя. – М.: «Лабиринт», 1996. – С. 7–154.
7. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. Дис...докт. психол. н. – М., 1987. – 433 с.
8. Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // Философские исследования. – 1995. – № 2. – С.77–94.
9. Нагдян Р.М. Метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия // Вестник ЕГУ, 140.4. – Ер.: Изд-во ЕГУ, 2013. – С. 54–68.
10. Нагдян Р.М. Об отношении психологии к метафизике // Психологические исследования. – 2014. –Т. 7(34). – С. 8.
11. Панов В.И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов. Дис. ... доктора психол. н. – М., 1996.
12. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – СПб.: Питер, 2012. – 288 с.
13. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / Проблемы общей психологии. Изд. 2. Отв. ред. Е.В. Шорохова. – М.: «Педагогика», 1976. – 416 с.
14. Трубецкой С.Н. Метафизика в древней Греции. – М.: Изд-во «Мысль», 2003. – 589 с.
15. Хусамбеев Ш.Р. Историко-психологический анализ гносеологической и онтологической парадигм в классической немецкой философии: Лейбниц и Кант // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6. – № 31. – С. 3.
16. Шукова Г.В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности: монография. – Saarbrücken (Германия): Lambert Academic Publishing, 2013. – 127 с.

References

1. Barabanshikov VA. Ontological approach to the study of perception. In: Filosofsko-psikhologicheskoye naslediyе S.L. Rubinshteyna. Pod red. K.A. Abul'khanovoy. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN» 2009; 2:81–101 (in Russian).
2. Wundt W. Metaphysics. In: Philosophy in the system presentation. Moscow: Izd. dom «Territoriya budushchego» 2006; 117–150 (in Russian).

3. Heisenberg W. Physics and Philosophy. Moscow: Nauka 1963; 286 p. (in Russian).
4. Zakharov VD. Metaphysics in the natural sciences. *Voprosy filosofii* 1999; 3:97–111 (in Russian).
5. Kuznetsov VG, Kuznetsova ID, Mironov VV, Momdzhian KH. Philosophy: the textbook. Moscow: INFRA 2004; 519 p. (in Russian).
6. Mamardashvili MK. Introduction to Philosophy. In: *Neobkhodimost' sebya*. Moscow: «Labirint» 1996; 7–154 (in Russian).
7. Mirakyan AI. Constancy and multifunctionality of perception. Dis... dokt. psikh. nauk. Moscow 1987; 433 p. (in Russian).
8. Mirakyan AI. Beginning of transcendental psychology of perception. *Filosofskiye issledovaniya* 1995; 2:77–94 (in Russian).
9. Nagdyan RM. Metaphysical premises of transcendental psychology of perception. *Vestnik YEGU* 140.4. Yerevan: Izd-vo YEGU 2013; 54–68 (in Russian).
10. Nagdyan RM. On the relation of psychology to metaphysics. *Psikhologicheskkiye issledovaniya* 2014; 7(34):8 (in Russian).
11. Panov VI. Direct sensory perception of the level of motion and stability of objects. Dis... doktora psikh. nauk. Moscow 1996 (in Russian).
12. Rubinstein SL. Being and consciousness. St. Petersburg: Piter 2012; 288 p. (in Russian).
13. Rubinstein SL Man and World. In: *Problemy obshchey psikhologii*. Izd 2. Otv. red. Ye.V. Shorokhova. Moscow: «Pedagogika» 1976; 416 p. (in Russian).
14. Troubetzkoy SN. Metaphysics in ancient Greece. Moscow: Izd-vo «Mysl'» 2003; 589 p. (in Russian).
15. Hisambeev ShR. Historical and psychological analysis of the epistemological and ontological paradigms in classical German philosophy: Leibniz and Kant. *Psikhologicheskkiye issledovaniya* 2013; 6(31):3 (in Russian).
16. Shukova GV. Paradigmatic changes in modern psychology of perception: from mental reflection of causing psychic reality: a monograph. Saarbrücken (Germany): Lambert Academic Publishing 2013; 127 p. (in Russian).

BEYOND ONTOLOGICAL CONCEPT OF PERCEPTION

R.M. NAGDYAN

*International Education and Research Center of the National Academy of Sciences of Armenia,
Erevan, Armenia*

In a review paper, a comparative methodological analysis of the ontological approach to the study of perception (V.A. Barabanshchikov) and transcendental psychology of perception (A.I. Mirakyan) was conducted. It revealed the positive aspects of the ontological concept of perception, which overcomes the limitations of an epistemological approach, but at the same time showed the difficulties faced by the ontological concept of perception in solving the problem of generation of perceptual image. The analysis in the context of philosophical and psychological views of S.L. Rubinstein led to the conclusion that one of the possible methods of studying the problem of generating mental images may be the method of metaphysical reasoning. This might be proved by an aphysical approach developed by A.I. Mrakyan used in the study of the principles and laws of the generative process of perception.

Keywords: ontological approach, object, subject, image, being, transcendental, implicit, explicit, aphysical approach.

Address:

Nagdyan Ruben M., Ph.D.

Associate Professor, Head of the Department of Psychology Master's International Scientific-Educational Center of the National Academy of Sciences of Armenia

E-mail: r.nagdyan@mail.ru